

Оригинальная статья

УДК 81'373.612.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-130-141>

Особенности функционирования табуированной лексики в современном зарубежном кинематографе

Светлана Анатольевна Панкратова

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
Санкт-Петербург, Россия,
svetpankrat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>*

Введение. Рассматриваются особенности функционирования табуированной лексики, которая является многообразной и неустранимой особенностью современного кинематографа. Цель исследования – анализ функционирования табуированной лексики в языковом аспекте для совершенствования применения зарубежного контента в соответствии с цензурными требованиями. Для этого ставится задача проанализировать корпус табуированных единиц, выявить основные закономерности допустимого применения табуированной лексики и охарактеризовать возможные пути оптимизации ее применения.

Методология и источники. Статья представляет результаты анализа табуированной лексики в западном кинематографе, основанного на комплексном семантико-дискурсивном и прагматическом подходе. Частнолингвистические методы наблюдения, описания и количественного подсчета используются наряду с общелингвистическими методами сравнения. Информационную базу исследования составили более 300 примеров табуированной лексики, подобранные методом сплошной выборки из 19 фильмов западного кинематографа и интернет-источника scripts.com, а также словари сленга и жаргона.

Результаты и обсуждение. Принимая во внимание многостороннее исследование табуированной лексики, статья выявляет более 30 единиц, описывающих гендерные и социальные особенности табу в лексике английского языка, несущие директивный характер. Подобные единицы повсеместно используются в западном кинематографе, снижая регистр речи киногероев и общий культурный уровень киноиндустрии. Анализ демонстрирует, что, несмотря на недопустимость сниженного регистра, табу способно создавать правдоподобные образы киногероев и их сценарного поведения.

Заключение. Как показало обращение к проблеме табуированности, ее применение носителями английского языка в кинофильмах вызвано соображениями повышения эмоциональной и оценочной выразительности высказываний. Обращает на себя внимание маргинализированная среда и тематика общения на темы преступлений и нетрудовых доходов, с помощью табу обуславливающая директивность дискурса и языковую игру.

Ключевые слова: табу, инвективная лексика, дисфемизм, вульгаризм, концептуализация, дискурс

Для цитирования: Панкратова С. А. Особенности функционирования табуированной лексики в современном зарубежном кинематографе // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 130–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-130-141.

© Панкратова С. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Peculiarities of the Functioning of the Taboo Lexicon in the Modern Western Cinematography

Svetlana A. Pankratova

*St Petersburg State University of Film and Television, St Petersburg, Russia,
svetpankrat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>*

Introduction. The article reviews peculiarities of functioning of taboo lexis, which is a many-sided and indispensable aspect of modern filmmaking. The study aims at the analysis of taboo functioning in the linguistic field in order to improve foreign content application in compliance with censorship requirements. The implementation presupposes analysis of taboo lexical units, revealing their functioning features as regards to acceptable implementation of the taboo and to depict the possible ways of optimization of its use in modern cinema.

Methodology and sources. The article presents results of the analysis of the taboo lexis in Western filmmaking, the former being based on a complex semantic-discursive and pragmatic approach. Specific linguistic methods of observation, description and quantitative measurement are used in the article together with the general linguistic methods of comparison. Informative basis of the study is comprised of more than 300 examples selected by the method of continuous sampling from 19 Western films and by means of the internet-resource scripts.com, as well as slang and jargon dictionaries.

Results and discussion. Taking into account many-sided study of the taboo lexis, the article reveals more than 60 units representing gender, and social features of taboo in the English language carrying an imprint of directive connotation. These taboo units are ubiquitously used in the Western filmmaking degrading the speech value of film characters and the general cultural level of film industry. The analysis demonstrates that taboo lexis is able to create veritable images of film characters and their scenic behaviour in spite of the unacceptability of taboo usage in mass media.

Conclusion. As was shown by the study of the taboo lexis its application by English-language speakers in film is conditioned by considerations of magnified emotional and evaluating expressivity of the speech. It is particularly noticeable that marginalized strata and theme scope of communication on topics of crime of illegal income with the help of taboo is defined by directivity of the discourse and language play.

Keywords: taboo, invective lexis, disphemism, vulgarisms, conceptualization, discourse

For citation: Pankratova, S.A. (2023), "Peculiarities of the Functioning of the Taboo Lexicon in the Modern Western Cinematography", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 130–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-130-141 (Russia).

Введение. Вниманию заинтересованных читателей предлагается изучение особенностей функционирования табуированной лексики, которая является неоднозначной и в то же время неотъемлемой деталью современного зарубежного кинематографа, а ее выбор обусловлен индивидуальностью создателя фильма, его чувством юмора, стремлением дать максимально наглядный речевой портрет киногероя. В основе привлечения табуированных номинаций зачастую лежат стремление к яркости, броскости высказывания, обозначение субгрупповой принадлежности, намерение побудить к немедленному эффективному взаи-

модействию и демонстрация доминирующей социальной позиции. Научная новизна состоит в обращении к проблеме политкорректности как движению равных возможностей для всех рас, национальностей и людей со специфическими отличиями, вступающей в противоречие с творческой задачей сценаристов кинодрам. Объектом исследования выступает более 30 единиц табуированной лексики английского языка, характеризующихся специфическим набором сниженных лексико-фразеологических средств: дисфемизмы, вульгаризмы, бранные выражения (эксплетивы) и инвективы. Актуальность исследования табуированной лексики многократно усиливается в наши дни вследствие необходимости соблюдения языковых норм и требований цензуры в кинопрокате.

Методология и источники. Применены частнолингвистические методы лингвистического наблюдения, описательный метод, метод количественных подсчетов и универсальный метод сравнения. Информационную экзemplификативную базу исследования составили более 300 инвективных реплик на английском языке, извлеченных методом сплошной выборки из 19 киносценариев современных зарубежных кинофильмов, с повышенным градусом инвективности по данным интернет-ресурса scripts.com и словарей жаргона и сленга [1–3].

Результаты и обсуждение. Проведен анализ функционирования табуированной лексики в зарубежном кинодискурсе, основанный на комплексном семантико-дискурсивном и прагматическом анализе. Анализ продемонстрировал, что благодаря своей шоковой силе инвективность способна создавать правдоподобные речевые образы киногероев и траекторию их поведения. Как очевидно, большая доля единиц, раскрывающих половую тему и тему физиологии, делает сами рассуждения о лингвистической природе табу несколько фривольными. Таково устройство языка, что любой говорящий на эти темы (удобно, но незаслуженно именуемые «низкими») рискует прослыть разнузданным языковым хулиганом. Однако, как и в медицинской практике, согласимся, что нет ничего грязного и отталкивающего в существовании половой и физиологической темы *per se*. Неприличность заключена в оскорбительных намерениях говорящих, открыто связывающих ту или иную единицу с нанесением ущерба лицу адресата. Наша задача состоит в том, чтобы выявить условия функционирования инвективности в кино, а для соблюдения приличий прибегнем к удобным эвфемичным сокращениям типа *f*****g*, которые не оскорбят пуристов, но и не скроют природу изучаемого табуированного слова.

Как известно, коммуникация носит ритуализованный характер, а используемые в ее ходе знаки имеют характер программ, вырабатывающихся в процессах регулирования человеческих отношений. Ранние работы, посвященные табуированности в языке, принадлежат философам и этнографам (Д. К. Зеленин, А. Мейе, Дж. Фрэнсер). Работы А. Мейе, исследовавшего языковое табу и эвфимию у древних, привлекли внимание ученых к этому явлению в первой половине XX в. [4]. В психоаналитике широко известны исследования табу и подсознательного З. Фрейда [5]. В условиях первобытного выживания наибольшей ценностью является жизнь и, как отмечает А. М. Кацев, «...для первобытного сознания смерть и болезни были окутаны зловещей тайной и ассоциировались с действием сверхъестественных сил. Естественно, что все, что имело отношение к этим понятиям, начиная с имен покойных и кончая их захоронением, вовлекалось в сферу языкового табу» [6, с. 80–81]. М. М. Маковский подробно исследовал и описал воздействие механизмов табуирования на язык [7].

Как установили ученые-этнографы, некоторые ритуализованные формы оказываются табуированными в высокоразвитой человеческой культуре. Именно к подобным знакам особого рода, единицам с элементами вербальной агрессии относятся табуированные изречения [8]. Поскольку в коллективе не все единицы одинаково допустимы к вербализации, семантика вербальной агрессии закономерно фиксируется табуированной лексикой. Табуированные вербальные действия человека, вышедшего из-под контроля культурной нормы, обычно характеризуются такими общими терминами, как ругань, брань, оскорбление и т. п. В работе нидерландского историка культуры И. Хейзинги *“Homo Ludens”* («Человек играющий») автор отводит первостепенную роль в становлении культуры элементу состязательности, особому агональному инстинкту, ткущему на грубом полотне конфликта биологических потребностей тонкие узоры высокоритуализованных форм поведения. Отмечая повсеместную распространенность состязаний в хуле и похвальбе, являющихся ритуализованной прелюдией к настоящему сражению [9, с. 81], автор показывает, как эта символическая форма, замещающая физическую агрессию вербальной, отделяется от своего исходного контекста и получает самостоятельное существование в различных сферах человеческой деятельности. Важно отметить, что как у животных, так и у человека в состоянии аффекта наблюдается резкое снижение мыслительных способностей. Поэтому клятва или боевой клич, рождаясь и функционируя в ситуациях порой предельного аффективного накала, плохо увязывается с идеей связи языка и мышления. Очевидно, что для снятия помех мышлению, создаваемых аффективной знаковостью, эмоция должна быть в достаточной мере подавлена, но без ущерба самой знаковости.

В семиотике процесс символизации агрессивного поведения характеризуется как «жест вместо акта» [10, с. 135]. Даже при поверхностном взгляде становится очевидным, что в человеческой культуре наиболее несублимированный вариант этой древнейшей функции ритуала закрепился за обценной, или «матерной» лексикой, а также за некоторыми сопутствующими ей жестами и позами. Базовая денотация этих вербальных и невербальных знаков говорит об определенных особенностях способов построения социальной иерархии [11, 12]. Подобный «сексуальный» план выражения межранговых отношений наблюдается в отнюдь не табуированном виде у многих видов приматов. Это положение символически обобщается и распространяется на прочие типы отношений, обозначая позиции власти и подчинения уже независимо от сексуальной подоплеки. Исходная функция знакового поведения сохраняется у табуированной лексики в довольно неприкрытом виде. Непосредственно жизненный опыт показывает, что бранные слова спонтанно рождаются в условиях, когда возникает потребность в наступательно-оборонительных реакциях.

Дальнейшее развитие общества перспективно направлено в сторону ухода от буквализма к эвфемистическим замещениям. С развитием культуры и общественных отношений в языке начинает формироваться пласт эвфемизмов – дозволенные наименования, скрывающие свой предмет. В основу формирования замен, помимо суеверного страха, ложатся чувства стыда, такта, а также принятые в обществе нормы вежливости и стереотипы поведения. Например, эстетические и нравственные законы современного общества запрещают говорить прямо о некоторых физиологических актах, об отношениях между полами; также не принято называть прямо определенные части тела человека, физические или психические

недостатки, заболевания. В табуированной лексике, напротив, явно вскрыты все негативные коннотации, которые тщательно вуалируются в эвфемизмах.

В ходе анализа практического материала автором исследования был собран корпус из 330 текстовых фрагментов из 19 киносценариев, в том числе таких знаменитых фильмов криминальной направленности, как «Джокер» (Joker) (2019) сценариста Тодда Филипса, «Криминальное чтиво» (Pulp Fiction) (1994) и «Бешеные псы» (Reservoir Dogs) (1991) сценариста и режиссера Квентина Тарантино и др. Как было установлено, табуированная лексика в современном зарубежном кино насчитывает более 60 единиц и семантически подразделяется на наименования, связанные: 1) с половой тематикой: ass, balls и т. д.; 2) социальным статусом: bastard, bitch и т. д.; 3) естественными человеческими выделениями: bloody, spit и т. д.; 4) горячительными напитками и злоупотреблением ими: booze; 5) умственными способностями: degenerate, dumb и т. д.; 6) богохульствами и проклятиями: goddamn; 7) национальностями и расовыми особенностями: gook, greaseball и т. д. [1–3]. Для изучения функционирования бранной лексики ответим на вопросы: для чего применяется брань в кино, кому она адресована, сколько бранных слов уместится в одну фразу, как эмоционально окрашена брань, как она вписывается в идиоматический состав языка, какую шоковую силу несет, на какие сакральные моменты посягает, кто больше склонен к брани среди полов, буквально или переносно воспринимается брань и какими способами ее избежать.

1. *Декларативность, интеррогативность и императивность инвектив.* Как было установлено, благодаря привлечению инвективности в жанре триллера и драмы многократно возрастает персуазивный эффект высказывания. Среди декларативов особенно выделяются высказывания об истинности намерений героя («Я говорю правду»), которые в сопровождении табуированной единицы звучат более убедительно (I'm telling you the f*****g truth!). PETE: *Don't look at me that way. I'm telling you the fucking truth! I'm totally fucking straight, man!* [13, p. 20]. В императивах табуированная лексика усиливает повелевающую силу высказывания, не допуская возражений и неповиновения, например, фраза «Вбей себе это в дурацкую голову!» (Get that through your f*****g thick head) звучит грубее и мощнее с табуированной единицей. LIAM: *Well, I love your ma and she loves me. Get that through your fucking thick head.* [14, p. 49]. Итак, табуированная лексика выполняет роль эмоционального усиления-триггера, гипертрофированно преувеличивая масштаб события, которое требует незамедлительного и эффективного разрешения. Табуированные единицы многократно усиливают убедительную силу, изображая гипотетическую ситуацию членовредительства в направлении адресата, что имеет для последнего наибольшую персуазивность.

2. *Экстрареференция и интрареференция инвектив.* Референция есть соотнесенность имен, входящих в состав высказывания, с объектами внеязыковой действительности. Экстрареферентная инвектива направлена вовне, на всевозможные качества оппонента: на национальность адресата: «дурацкий американец», «мексикашка» (American s*****I), внешность, пол, упитанность адресата, и примеры изобилуют подобными инвективами. SAUREL: *I understand perfectly, you American shitheel.* [15, p. 86]. Однако имеются единичные примеры интрареференции (инвектива, направленного на самого говорящего): «Я был негодай» (I was an a*****e), по причине психологических барьеров извинения. FREDDY: *I was an asshole and left, but he would never just vanish like this.* [16, p. 23]. Особенно референтно

ярка самопохвала с бранной лексикой, как в примере «Я потрясающий чертов друг» (*I'm a great f****n' friend*), где ругательство приобретает противоположный негативному эмоциональный окрас. *VINCENT: Sure I am. Yeah, I'm a great friend. I'm a great fuckin' friend.* [17, p. 63]. Представляется, что бранная речь есть мощный неконтролируемый эмоциональный поток изречений, в котором говорящим теряется локус контроля, а инвективный референциальный перенос характеризует ситуацию бранной речи как крайне контагиозную, ту, в которой эмоции захлестывают через край. Этот тот самый случай, когда в кинодраме неоспоримо высок градус эмоционального накала и крепкое словцо может достаться всем.

3. *Сингулярность и мультикомплементарность инвектив.* Единичные инвективы наиболее часты в речи киногероев, причем в них может иметь место тавтология, что несколько не смущает говорящего, цель которого – выплеснуть эмоции в бранной тираде: «Вы чертовы ублюдки» (*you f*****g m*****s*). *JOE: I will fucking talk! I will tell you whatever the fuck you want to hear... you fucking motherfuckers!* [18, p. 52]. В восьмиместном инвективном изречении повторяется центральная для бранных речевая единица «на -f», как сигнал неширокого словарного запаса и образованности: «Надо к черту что-то делать. Чертов парень не должен говорить с копами. Чертова пушка на улице. Все чертовщина вот-вот к черту взорвется. Если Томми и его чертовы парни... Ты к черту должен помочь». (*I got to f*****g do something about this. I can't have the kid f*****g talking to the cops. The f*****g gun is on the street. This whole f*****g goddamn thing is about to f*****g blow up. If fucking Tommy or any of those f*****g guys... find out about it. You got to f*****g help me. If I f*****g have to.*) *JOE: I got to fucking do something about this. I can't have the kid fucking talking to the cops. You understand me? The fucking gun is on the street. This whole fucking goddamn thing is about to fucking blow up. If fucking Tommy or any of those fucking guys... find out about it, I am a dead man. You got to fucking help me. If I fucking have to.* [18, p. 14]. В итоге создается образ киноперсонажа, для которого брань состоит из привычных слов-паразитов, а их частотность ведет к делексистизации, что само по себе уже малообнадеживающая заявка на вхождение в общеупотребительный словарный фонд.

4. *Амелиоративность и пейоративность инвектив.* В исследовании табуированной лексики нами изучены коннотативные аспекты инвективности. Как справедливо полагает К. Э. Вяльях, «...экспрессивный компонент присутствует фактически в любом высказывании и непосредственно связан с активным субъектом высказывания. Все разноуровневые средства создания экспрессии находятся в системной, закономерной взаимосвязи, а их использование отражает систему оценок, предпочтений, желаний языковой личности» [19, с. 51]. Бранная лексика встречается и в позитивном контексте: «Я чертовски люблю тебя» (*I f*****g love you*). *TAYLOR: I fucking love you, bro. Officer down! I need some fucking help!* [20, p. 62]. Оправданием привлечения сниженного регистра могло бы служить предположение о неполнозначности бранного слова для говорящего. Что касается уничижительности бранной лексики, то она работает на создание отрицательного образа киногероя, полностью отвечая цели очернить, унизить, оскорбить собеседника, как в примере «чертов негодяй» (*f*****g c*****r*). *ROBERTSON: You disgust me. Get your face off my cock! Get off me, you fucking cocksucker!* [21, p. 25]. Бранная лексика как в контексте со знаком «плюс», так и в контексте со знаком «минус» ведет к снижению тональности всего высказывания.

5. *Фразеологизм инвектив*. Как известно, фразеологизм есть идиома, устойчивое сочетание слов, отличающееся постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением, не выводимым из значения составляющих компонентов. «Вращение» в устойчивый состав фразеологизмов инвективной лексики свидетельствует о тенденции к нормализации последней, о заявке на статус узаконенного языкового выражения: фразеологическая инвектива. К примеру: фразеологизм «мне наплевать» в английском языке (I don't give a damn в значении не давать ломаного гроша) переосмысливается гораздо грубее (don't give a s**t about people like you). *SOCIAL WORKER: They don't give a shit about people like you, Arthur. You don't have a voice and they don't really care what happens to you or to us for that matter.* [22, p. 36]. В результате происходит легитимизация, оправдание и закрепление брани в языке кино. Более того, новым видом семантического сращения мы бы назвали взаимодействие фразеологизма и инвективы в голофразисе, уникальном английском явлении языка, еще известном как «словотекст», в котором мысль, сжатая до одного дефисно-раздельно оформленного слова, сжато передает некую мысль или посыл. Самый простой пример: «Я потрясен» (I am overwhelmed), трансформируется за счет включения инвективы в структуру основы слова, приблизительно звучащий как «Я по-чертовски-трясен» (over-f*****g-whelmed). *ALBERT: That's right. Well, I am... over-fucking-whelmed.* [23, p.16]. Суммируя, отметим, что совмещение разных речевых модусов (общепринятого и низкого) приводит к абсурдизация речи, кино и размыванию границ допустимого в обычной речи.

6. *Шокирующая сила инвектив*. Шокирующий потенциал инвектив может быть максимальным, нейтральным или минимальным. Например, акцентирующие прилагательные на «-bl» (blinking (чертовский), blithering (жалкий), blooming (проклятый), blundering (нелепый) и др.) являются способом нанести оскорбление в смягченной форме, их шоковая сила незначительна. Выражение «запрыгивай в чертову корзину» (jump in the b****y basket) не несет максимальной шоковой силы благодаря смягченному прилагательному «чертов». *AL: Jump in the basket. Who the hell do you think I am? E.T.? Willie, jump in the bloody basket. I'm not getting in no bloody basket.* [24, p. 17]. Медиальная шоковая сила инвектив, нацеленных нанести существенный ущерб авторитету и самоуважению собеседника, реализуется за счет приема редупликации: «Это чертовски стремно» (it's f*****g f*****d). *TERRY: You hear about Fatty's leg? It's fucking fucked. Swinging off ladders at his age.* [25, p. 16]. Удвоение одного и того же бранного слова «на -f» говорит о нацеленности говорящего нанести как можно больший оскорбительный ущерб, что в гуманном обществе выглядит как нонсенс и деградация идеалов просвещения. Что касается максимальной шоковой силы, то здесь всевозможные способы оскорбления сконцентрированы в едином высказывании для достижения максимального эффекта, что сопровождается слабой когерентностью и связностью. Оскорбления раздаются щедро и без разбора, без учета половой принадлежности, просто перечисляются все возможные характеристики обоих полов вида Homo Sapiens (F**k this, s**t that. С**k, с**t, a*****e). Подобная неразборчивость говорит о тотальной испорченности говорящего, равно как и о сильной степени эмоционального накала. *MARK HANNA: Fuck this, shit that. Cock, cunt, asshole. I couldn't believe how these guys talked to each other.* [15, p. 8]. Итак, в высказываниях максимальной шоковой силы наблюдается противоречие между лингвистической и логической когерентностью и сильный эмоциональный накал.

7. *Секулярность и сакральность инвектив.* Десакрализация связана с инвективностью в том плане, что принижение священных для человечества понятий направлено на нанесение такого морального и нравственного ущерба адресату, который по значимости следует за нанесением физического ущерба. Наиболее богохульными являются встреченные в сценариях сочетания инвективы с божественными именами «проклятый бог» (f*****g God). *JAKE: Pete. Pete. I swear to fucking God. I need you to take a drug test.* [13, p. 21]. Сочетание сакрального и низкого вредоносно для тех, кто высказывается подобным образом, и для того, кто выслушивает подобную брань.

8. *Феминность и маскулинность инвектив.* В исследовании табуированной лексики нами были выделены фрагменты, где табуированная лексика привлекается феминно или маскулинно, есть небольшое число реплик-инвектив от женского лица, «вклад» женщин в инвентарь инвективности немногочисленен. Из всего набора кинофильмов с повышенной инвективностью, а их 19, нами было обнаружено 19 реплик от женского имени, т. е. статистически женские киногерои позволяют себе бранную лексику один раз за кинофильм. Скорее всего, можно предположить, что женщинами руководят иные мотивы, чем борьба и доминирование. Инвективы в женских устах содержат обидные высказывания об умственных способностях адресата: «тупица» (dumb-a*s), богохульные ругательства: «проклятое отродье» (goddamn b*****d), ругань касательно низкого качества получаемой информации: «ерунда» (b*****t). *LINDA: You goddamn bastard! You goddamn bastard. You're gonna pay for this. I'm going to bring you back to visibility and then I'm going throw your ass in jail.* [26, p. 110]. В одном примере женский персонаж прибегает к эвфемизации ругательного слова, сократив его до деликатного слово «на -f». *MLA: Well don't by shy Vincent, what exactly did they say? Let me help you Bashful, did it involve the F-word?* [27, p. 41]. Можно сказать, что из всех прагматических факторов речевая деятельность женщин наиболее кодифицирована с точки зрения социально-культурного, индивидуально-психологического, ролевого и коммуникативно-функционального аспектов. Здесь мы солидарны с Т. М. Беловой, утверждающей, что сама структура гендерной языковой метафоры, объективирующей культурный концепт «маскулинность», образуют признаки: «...активная жизненная позиция, жестокость, безжалостность, замкнутость, непостоянство политических убеждений» [28, с. 7]. Негативный семантический «вклад» женщин в инвентарь инвективности незначителен по сравнению с тем же вкладом сильной половины человечества.

9. *Буквализм и переносность инвектив.* Наконец, поговорим о концептуальной стороне инвективности. Анализ бранной лексики показал, что ее потенциал имеет четко выраженный буквалистский характер. В табуированной лексике сила буквальности такова, что именование определенного органа и связанных с ним известных действий имплицитно подразумевает совершение вышеуказанных действий. В эмоционально накаленной обстановке инвектива служит непосредственным безотлагательным триггером к действию. В примере говорящий сперва ругается, а затем буквально намеревается вступить в половой контакт с оппонентом: «I'll f**k you». *LINDA: Fuck you! SEBASTIAN'S VOICE: Or maybe I'll fuck you. One last time for old times sake.* [20, p. 110]. Такая непосредственная связь слова и дела во многом объясняет рост преступности, когда сняты все запреты на совершение недопустимого и в первую очередь, как это ни прискорбно, снимаются языковые запреты. В противоположность буквализму инвектив

существует ряд табуированных единиц, значение которых применимо в обобщительно-переносном смысле, – это слова-ругательства «crap» и «shit». Для каждого из них имеется ряд негативных импликатур, не связанных непосредственно с их первым прямым значением «экскременты». Так, переносные значения слова «crap» – это и низкопробный товар, и содержимое низкокачественных консервов, а для слова «shit» – это плохие дела, неприятности, унижительное имя, неудача, обличающие улики. *JOKER: Last time I ended up taking it out on some, people. Bad shit. I thought it would bother me but it really hasn't.* [21, p. 69]. Семантически инвективы приближаются к широкозначным словам, действующим по схеме эврисемии, при которой абстрактность повышается, а денотативная ограниченность ослабляется.

Заключение. Системное рассмотрение актуальных особенностей табуированности в зарубежном кино базируется на разностороннем исследовании ненормативной лексики с прагматических, семантико-дискурсивных и когнитивных позиций, включающих такие параметры, как буквализм или образность, полнозначность или широкозначность, интра- или экстраобъектность, фразеологизация, шокирующий потенциал, а также сакральные, гендерные и количественные параметры. Учет данных параметров позволил установить, что более 60 единиц-инвектив тематически описывают такие сферы, как половая, социально-статусная, физиологическая и ряд других. Прагматически табуированная лексика служит цели незамедлительного ускорения и оптимизации действий киногероев посредством воздействия на них эмоциональных триггеров-инвектив. Усиление импульса к действию создается благодаря привлечению инвектив в угрожающем ключе и представления гипотетической ситуации членовредительства адресата, что имеет для последнего наибольшую персуазивность. При этом речевая деятельность женщин наиболее прагматически и культурно кодифицирована, а их вклад в инвентарь инвективности весьма незначителен и ситуативно обусловлен.

В коннотативном аспекте инвективная лексика способствует передаче широкого эмоционального спектра в киносценарии. Градус эмоционального накала благодаря инвективности возрастает, а референция может распространиться как на адресата, так и на самого адресанта с сменой знака с пейоративного на амелиоративный в самопохвале. Изучение шоковой силы инвектив подтверждает тезис о направленности бранной лексики на достижение максимального персуазивного эффекта. При этом, чем больше инвективных единиц содержит микроконтекст, а их число варьирует в пределах от единицы до одиннадцати, тем ниже логическая когерентность инвективы. Шоковая сила инвектив усиливается в случае их соположения с сакральной лексикой, ведущей к десакрализации и нанесению максимального морального и нравственного ущерба адресату. В лингвистическом плане изучение инвективности вскрывает тенденцию к их включению в фразеологический фонд английского языка, а подобное совмещение общепринятого и сниженного языковых модусов ведет к абсурдизация речи и размыванию границ допустимого. Нестандартный прием инвективного голофразиса свидетельствует о непрерывном поиске говорящими творческих способов эмоционального усиления наряду с решением задачи экономии языковых средств. В когнитивно-семантическом плане повсеместность инвектив ведет к утрате ими значения ругательности и превращении в общеупотребительное широкозначное слово-паразит с полной или частичной делексикализацией. Эффект неполнозначности объясним необразованностью и/или скудным словарным запасом киногероя.

В общем и целом, нацеленность киногероев на нанесение максимального оскорбительного ущерба в обществе XXI века выглядит как нонсенс и деградация идеалов просвещенного гуманизма. В культурном человеческом обществе табуированная лексика относится к порицаемым знакам вербальной агрессии, а негативные коннотации табуированности могут быть элиминированы в эвфемизмах, помогающих соблюсти этико-эстетические нормы без прямого именованя физиологических актов, отношений между полами и названий некоторых частей тела. Анализ показал, как через речь персонажей деградирует и общий культурный фон кинопроизведения. Поражает та легкость, с которой киногерои жонглируют ругательствами, частота их применения в речи. Это делается столь регулярно и интенсивно, что снимаются все барьеры на недопустимость ругани в повседневности. Таким образом, инвективы в кино служат своего рода анестетиком, «обезболивающим» против пошлости и непристойности, которым облегчается допуск в речь и жизнь культурных людей, кинозрителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ayto J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
2. Crystal D. The Penguin Dictionary of Language. London: Penguin, 1999.
3. Green Jo. The Slang Thesaurus. London: Penguin Books, 1999.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. с фр. А. М. Сухотина, Д. Н. Кудрявского. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938.
5. Фрейд З. Тотем и табу: сходство между психической жизнью дикарей и невротиков / пер. с нем. М.: АСТ, 2004.
6. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. Л.: ЛГПИ, 1988.
7. Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. М.: КомКнига, 2006.
8. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
9. Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. М.: Прогресс, 1992.
10. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
11. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
13. Alpha Dog, 2005 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/alpha_dog_2596 (дата обращения: 27.07.2022).
14. Sweet Sixteen, 2002 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/sweet_sixteen_19228 (дата обращения: 26.07.2022).
15. The Wolf of Wall Street, 2013 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/the_wolf_of_wall_street_44 (дата обращения: 25.07.2022).
16. Residue, 2017 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/residue_16816 (дата обращения: 26.07.2022).
17. Summer of Sam, 1999 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/summer_of_sam_19094 (дата обращения: 26.07.2022).
18. Running Scared, 2006 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/running_scared_17259 (дата обращения: 25.07.2022).
19. Вяльях К. Э. Синтаксические средства интенсификации эмфатических структур (на материале испанского языка) // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9). Ч. II. С. 51–52.
20. End of Watch, 2012 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/end_of_watch_7651 (дата обращения: 26.07.2022).

21. Filth, 2013 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/filth_8166 (дата обращения: 26.07.2022).
22. Joker, 2019 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/joker_24303 (дата обращения: 27.07.2022).
23. Heat, 1995 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/heat_9763 (дата обращения: 26.07.2022).
24. Going in Style, 2015 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/going_in_style_9114 (дата обращения: 24.07.2022).
25. Twin Town, 1997 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/twin_town_22399 (дата обращения: 26.07.2022).
26. Hollow Man, 2000 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/hollow_man_305 (дата обращения: 26.07.2022).
27. Pulp Fiction, 1994 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/pulp_fiction_75 (дата обращения: 25.07.2022).
28. Белова Т. М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / КемГУ. Кемерово, 2007.

Информация об авторе.

Панкратова Светлана Анатольевна – доктор филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, ул. Правды, д. 13, Санкт-Петербург, 191119, Россия. Автор 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная теория метафоры, эвристика, прагматика речевого манипулирования, кино и перевод.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 28.07.2022; принята после рецензирования 30.09.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.

REFERENCES

1. Ayto, J. (1996), *The Oxford Dictionary of Modern Slang*, Oxford Univ. Press, Oxford, GBR.
2. Crystal, D. (1999), *The Penguin Dictionary of Language*, Penguin, London, GBR.
3. Green, Jo. (1999), *The Slang Thesaurus*, Penguin Books, London, GBR.
4. Meillet, A. (1938), *Introduction a l'etude comparative des langues indoeuropeennes*, Transl. by Sukhotin, A.M. and Kudryavskii, D.N., Gos. sots.-ekon. izd-vo, Moskow, USSR.
5. Freud, S. (2004), *Totem und Tabu: Einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker*, Transl., AST, Moskow, RUS.
6. Katsev, A.M. (1988), *Yazykovoe tabu i evfemiya* [Linguistic taboo and euphemism], LGPI, Leningrad, USSR.
7. Makovskii, M.M. (2006), *Fenomen TABU v traditsiyakh i v yazyke indoevropейsev. Sushchnost' – formy – razvitie* [The phenomenon of TABOO in the traditions and language of the Indo-Europeans. Essence - forms - development], KomKniga, Moskow, RUS.
8. Zelenin, D.K. (1991), *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography], Nauka, Moskow, USSR.
9. Huizinga, Jo. (1992), *Homo ludens. In de schaduwen van morgen*, Transl., Progress, Moskow, RUS.
10. Stepanov, Yu.S. (1998), *Yazyk i Metod. K sovremennoi filosofii yazyka* [Language and Method. Toward a modern philosophy of language], Yazyki russkoi kul'tury, Moskow, RUS.
11. Dem'yankov, V.Z. (1983), "Understanding as an interpretive activity", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 6, pp. 58–67.
12. Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoі krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Gnozis, Moskow, RUS.

13. "Alpha Dog" (2005), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/alpha_dog_2596 (accessed 27.07.2022).
14. "Sweet Sixteen" (2002), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/sweet_sixteen_19228 (accessed 26.07.2022).
15. "The Wolf of Wall Street" (2013), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/the_wolf_of_wall_street_44 (accessed 25.07.2022).
16. "Residue" (2017), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/residue_16816 (accessed 26.07.2022).
17. "Summer of Sam" (1999), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/summer_of_sam_19094 (accessed 26.07.2022).
18. "Running Scared" (2006), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/running_scared_17259 (accessed 25.07.2022).
19. Vyal'yak, K.E. (2008), "Syntactic Means of Intensifying Emphatic Structures (on the Material of the Spanish Language)", *Almanac of Modern Science and Education*, no. 2 (9), part 2, pp. 51–52.
20. "End of Watch" (2012), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/end_of_watch_7651 (accessed 26.07.2022).
21. "Filth" (2013), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/filth_8166 (accessed 26.07.2022).
22. "Joker" (2019), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/joker_24303 (accessed 27.07.2022).
23. "Heat" (1995), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/heat_9763 (accessed 26.07.2022).
24. "Going in Style" (2015), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/going_in_style_9114 (accessed 24.07.2022).
25. "Twin Town" (1997), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/twin_town_22399 (accessed 26.07.2022).
26. "Hollow Man" (2000), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/hollow_man_305 (accessed 26.07.2022).
27. "Pulp Fiction" (1994), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/pulp_fiction_75 (accessed 25.07.2022).
28. Belova, T.M. (2007), "Gender metaphor as a reflection of the cultural concept of "masculinity" in French", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, KemSU, Kemerovo, RUS.

Information about the author.

Svetlana A. Pankratova – Dr. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, St Petersburg State University of Film and Television, 13 Pravda str., St Petersburg 191119, Russia. The author of 80 scientific publications. Area of expertise: cognitive metaphor theory, heuristics, pragmatics of speech manipulative tactics, film and translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 28.07.2022; adopted after review 30.09.2022; published online 22.02.2023.*